

Алиа
Бомбур

Рассказы
Синей ташки

Алла Ботвич

Рассказы Синей чашки

«Издательские решения»

Ботвич А.

Рассказы Синей чашки / А. Ботвич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969618-2

Правильную чашку выбирают по руке, весу, изгибу ручки, ладно ложающемуся на палец. Так воин выбирает оружие, писатель ручку, художник кисть.

Правильной чашкой начинается день. И узор на её стенках каждое утро рассказывает новую историю.

ISBN 978-5-44-969618-2

© Ботвич А.

© Издательские решения

Содержание

Рассказы Синей чашки	6
КЛЮЧИ ОТ КРЫШИ	7
ДЕРЕВЯННАЯ БУСИНА	9
ФАРФОРОВЫЙ СЕТТЕР	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Рассказы Синей чашки

Алла Ботвич

Иллюстратор Алёна Наливкина

© Алла Ботвич, 2019

© Алёна Наливкина, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-9618-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы Синей чашки

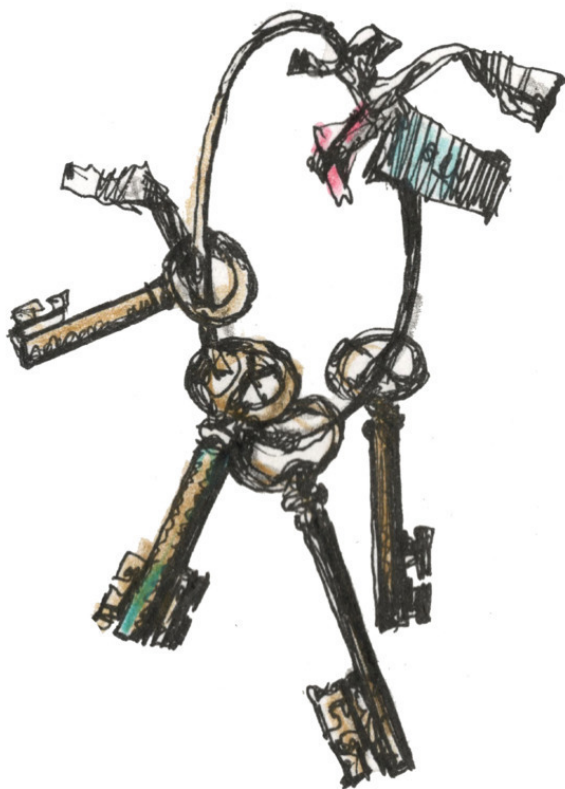
В глубине старого буфета прохладно, уютно. Нежные радуги от толстых витражных стекол возникают только в определенный час, когда московское бледное солнце зависает ровно над углом высоты.

Чашка по имени Синяя, строго говоря, не была синей, она была классической кобальтовой сеткой, но Маргарита Ивановна всегда называла ее Синей, просила «Лёвушка, золотко, достаньте мою Синюю». Просила довольно часто – семья была обширная, шумная, занимавшая целых две квартиры на седьмом этаже добротного сталинского дома. Регулярно мелькали в гостиной интересные гости, забежали студенты бывшие и нынешние, приходили друзья. Застолья спонтанные или долго приготавливаемые, посиделки с подругами, ночные бдения – Синяя всегда оказывалась к месту.

Правильную чашку подарить не могут, пусть даже не пытаются. Правильную чашку выбирают по руке, весу, изгибу ручки ладно лежащемуся на палец. Так воин выбирает оружие, писатель ручку, художник кисть. Правильной чашкой начинается день. И узор на её стенках каждое утро рассказывает новую историю.

КЛЮЧИ ОТ КРЫШИ

В хрустальной вазе лежат Ключи от Крыши. Это потому что дедушка – ответственный по подъезду. Иногда в буфет просовывается торопливая детская рука, хоп, и ключи, стараясь не звенеть, лежат в кармане потертых шорт. Из своих тайных надмосковных приключений ключи возвращались проветренными, лёгкими, пока однажды их не сунули на место с красно-коричневым пятном на зубе и больше никогда не воровали.

***

Киля тырит ключи, подзуживает Лильку, да и весь разновозрастной детский табун прибившийся в их приличный двор. Лето же! Пустое. Огромное. Айда наверх, гонять в салочки и сифака.

Килька дурак, дразнит обидно — *Лилька-лиана, два пустых кармана!* А сам? Килька, блин, в томате, тощий, рыжий, нервный. Но ключи у него, приходится терпеть.

Дверь упрямая, поднажать плечом, толкнуть сильнее. Зудящее чувство поднимается до колен на легком откосе. Запах дождя на разогретым июлем железе. Шумы мельчают, рассыпаются до горизонта. Крыша двухскатная, на краю небольшая оградка, а потом только полметра карниза и ветер.

Моторная будка лифта стоит впрытик к оградке, так что если хочешь быстро её оббежать, то надо прямо по карнизу на высоте в девять этажей. Лилька это сто раз проделывала. Прodelает и сейчас! Гляди!

Нога поехала по мокрому. Остановилась в сантиметре от края. Остановилась Лилька, поглядела вниз. Замерла – ни вперед, ни назад. Столбняк. Ребята за ней подойти боятся, карниз тонкий, только Лильку выдерживает.

Она смотрит вниз – внизу муравьи машин, слышишь – шуршат, слышишь – шипят проводами троллейбусы, слышишь – чёрная лает собака, слышишь – иди сюда, иди.

Ай! Больно! На плече царапина до крови. Оглянулась. Киля распластался вдоль будки, вжался, за правую штанину его пацаны держат, левой рукой дотянулся и ключами ее тычет. Повернулась медленно, за руку брата схватила, маленькими шагами вернулась.

Дурак Килька ключи только с третьего раза в карман положил, так руки тряслись.

ДЕРЕВЯННАЯ БУСИНА

Всегда был таким. Не изменился. Может усвистать на неделю прямо посреди семестра. Потом разберёмся. А уж в молодости.

Синий-синий Коктебель. Близкий силуэт Кара-Дага, сухая трава, небо, в которое наконец можно забраться.

Южный склон Клемухи полон народом разным. Пестрит веселыми тряпками, которые шшш-шыр и расправились в крылья. Сперва танцуй на склоне, перетягивай тугой купол то вправо, то влево, удерживай, сминай ком ветра. Пару раз и по земле протащит – оттирай зелень и кровь, колени, локти береги.. Потом, наконец, оторваться. Плынут внизу виноградники, плывёт опрокинутое небо в техническом озере-водоёме.

Целый день на ветру и солнце. Жрать хочется адски. Хорошо есть домик-клуб, он же столовка. Какие там супы на обед! Ложка стоит в густом вареве, куда от души насыпано татарских специй, а сверху молодая зелень.

Голод гонит глотать быстрее. Другой голод гонит обратно на склон. Третий голод поднимается вечером, когда море внизу выдыхает, зажигает огни, звучит всё теми же томными песнями вдоль нарядной, пахучей набережной. Девчонки. Нет нет, если уж он и женится, то на одной из таких – легкой, веселой, с полетом в глазах. Извини, Верочка, ты в своей Москве сиднем сидишь, хрен тебя куда вытащишь, ну и сиди.

Муха была мелкорослой, крепкой, стрижка резкая, не девичья. Летала как бог, весь склон завидовал. Говорить могла только о парашютах, потоках, бризе, погоду определяла даже не на глаз, а краем веснушчатого уха. И она была голодной. Голодной на пляже, где сквозь полотенце больно давили в спину кругляши камней, голодной в разогретой палатке, а один раз, в тумане, возле памятника первому планерному полету, на самом мокром носу горы Клементьева. Он думал, что справится, утолит.

Где-то на третий день, посреди тренировки захотелось отлить, ушел вглубь хребта подальше, а они там, прямо где приземлились, прямо на скользком куполе, Муха и вчера приехавший паренёк из Симферополя.

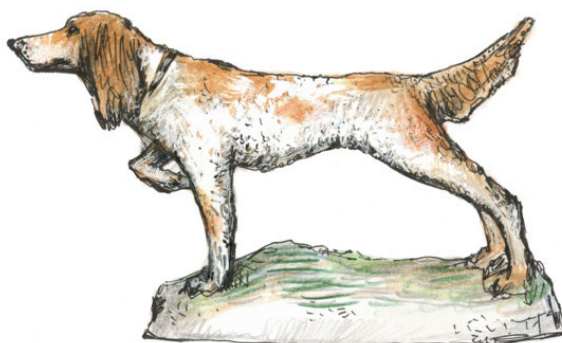

Улыбнулся, купил на набережной самодельные деревянные бусы, с выкрашенными в яблочно-зеленый цвет крупными бусинами и уехал в Москву, есть пышный хлеб, да плотные пироги своей любви. Верочка бусы повертела в руках, отложила в дальний ящик.

Звездный час бус настал когда у пятимесячного Кили начали резаться зубы, и вот эти-то яблочки пришлись ему по вкусу. Измусолил, изгрыз, нитка порвалась. Одну из бусин, зашедшая помочь сестре Марго машинально подобрала, а потом положила в буфет.

ФАРФОРОВЫЙ СЕТТЕР

Ещё в буфете стоит фарфоровая статуэтка сеттера со сложным немецким клеймом на тяжелом основании. Пес веселый, не обидчивый. Травит охотничьи байки так, что скисло бы молоко, будь оно налито в соседний роскошный молочник на четырёх лапках.

Попал сеттер к Маргарите Ивановне случайно. Дальняя родственница была в Москве проездом. Где ночевать? Так вот же родня! Ну и что что дальняя, не разу в глаза не виделись, неуж откажут. Маргарита Ивановна внутренне крякнула, деваться некуда. Три дня слушала окающий волжский говор, на завтрак получала обжаренные пирожки с картошкой, от которых всю кухню затягивало голубоватым, дымным, маргариновым духом, одобрительно кивала, оценивая цветистые обновки. Сводила родственницу в Третьяковку и кафе-мороженное «Космос».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.